

Квириты / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Квириты / рассказ КВИРИТЫ

«Так что же ты предлагаешь?» – спросит кто-нибудь из вас.

Прежде всего, все вы должны изменить свой образ действий. Люди с не знающим устали языком, в душе трусы, забывающие о свободе, как только уйдете со сходки. Остерегайтесь их коварства. Ибо, действуя иным способом, они бессильны против вас, если вы будете едины. Будьте бдительны и не называйте рабства покоем, изменяя смысл понятий в меру своей трусости...

Я сразу представил речь этого плебейского трибуна Макра в нашей Верховной Раде и даже слова, после которых должен начаться мордобой.

«Если вы считаете это миром и согласием, то одобряйте величайший переворот в государстве и разрушение его устоев, утверждайте навязанные вам законы, миритесь со спокойствием при рабстве и подавайте потомкам пример, как уничтожить государство ценой его же крови...».

Но зазвонил телефон:

– Это Алмаз, – по-военному четко сказал Алмаз. – В шесть у нас собрание. Сбор внизу, на Майдане, возле магазина... чайханы...

– А что за сыр-бор?

– Это не телефонный разговор.

– Якши, – сказал я.

– Ничего якши, – сказал Алмаз. – Все, конец связи.

«Ныне, квириты, надо быть рабом или повелевать, испытывать страх или внушать его!» – еще успел сказать консул Лепид в своем обращении к Римскому народу.

Но его уже никто не слушал, так как, жена включила зомбоящик. Он, как всегда, показывал «Майдан», на котором, как всегда, жгли покрышки и били в барабаны, чтобы отпугнуть злых духов.

Потом со сцены выступали «боксер», «суслик» и «удав». Что говорил «боксер» никто не понял, так как он и сам не понимал, откуда у него берутся слова, которых он еще не думал.

В интернете писали, что это чип. Чтобы укрепить мозг. Чип, конечно, китайский, хотя фирма американская. Почти «Майкрософт». Сейчас все с такими чипами. Но это тайна, о которой, порой, не догадывается даже сам юзер. Он думает, что он трибун, политик или звезда порока, а, на самом деле, это просто чип, который проник в него с пивом.

«Суслик» говорил много и правильно, пока у него не начали мерзнуть зубы, а точнее, протез, вставить который ему посоветовали эксперты ЕС для усиления харизмы. Он даже в порыве благодарности родил слоган:

– ЕС – это yes! ЕС – это... lex (чуть, было, не вырвалось – «протез», что сразу выводило слоган в заголовки мировых СМИ и прочих Же).

– Дупа! – хищно изрыгнул «Удав» и начал прорываться к микрофону, чтобы сказать народу главное.

Но почему-то, кроме этой «дупы», ничего в голову не приходило. И сейчас он стоял, слегка покачиваясь, как перед прыжком в пустоту, которая, как всегда, готова была его принять, а он, как всегда, не готов прыгнуть.

И тогда из пустоты на сцену выскочил бес по имени Орест Лютый, который начал исполнять «писню» – «Убей в соби москаля». И пустота подхватила, закружила, и понеслась в безумном танце, который было уже не остановить.

На какой-то миг показалось, что все это кино. Что-то типа фильма Тарантино, когда ни сам режиссер, ни толпа не знают, какое в итоге получится кино – то ли это будут «Бесславные ублюдки», то ли «Бешенные псы».

А, может, и режиссера никакого нет. А есть пульт, и есть кнопка. И каждый из нас может управлять этим миром, только не догадывается. А кто догадывается, тот почему-то долго не живет.

Был у меня друг детства по кличке Ден, который на полном серьезе доказывал, что в каждом телевизоре есть такая «штучка», которую не определит ни один мастер. С помощью этой «штучки» можно прослушивать и просматривать, что делается в каждой квартире. Он от этой «штучки», можно сказать и в Афган тогда сбежал.

Но самое интересное – с помощью этой «штучки» можно не только подсматривать, а и воздействовать.

– Как это – воздействовать? – еще спросил я.

– А кто его знает – как. Это даже не сразу начинаешь понимать. Неужели с тобой такого не было, когда вечером думаешь одно, а утром просыпаешься и делаешь совсем другое?

– Наверное, было, сейчас уже и не вспомнить.

– То-то и оно. Они нарочно так делают, чтобы не вспомнить.

– Да, кто... они?

На что Ден даже отвечать не стал. Молча, докурил в темноте сигарету и растворился в ночь, из которой уже нет возврата.

После него осталась книга: Гай Саллюстрий Крисп «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война». Она была издана в 1981 году Академией Наук огромным тиражом 150 000 экземпляров, и в этом, казалось, был некий тайный смысл, который я в тот момент не понимал, а Ден понял, и это решило его судьбу.

Несколько раз я даже порывался ее читать, но дальше «Заговора Катилины» не пошел, так и зависнув на фразе: «Когда мужчины начинают вести себя, как женщины, а женщины, как мужчины, – государство рушится».

А несколько дней назад зачем-то снова достал книгу, которую в этот раз читал как-то странно – с любой фразы и с любой страницы, на которой случайно откроется книга. И сейчас это была совсем другая книга, которая необъяснимо вмещала в себя все – и дымящие крыши Майдана, и грозный бой барабанов, и фильмы Тарантино, и «письни» бесноватого Ореста Лютого, и даже этот звонок Алмаза.

– Ситуация такова, – без предисловий начал собрание староста поселка Алмаз. – Сегодня ночью неизвестные с оружием в руках захватили здание Верховной... как его – Рады...

– «Пентагон», – уточнил депутат Петрович.

– «Пентагон», – подтвердил Алмаз.

– Что значит – захватили? Его кто-нибудь не отдавал? – подал голос из черной бороды Фарид.

– Захватили, это значит – захватили. А... давал или не давал... – смерил его цепким взглядом Алмаз.

- И что значит – «неизвестные»? Кому – «неизвестные? И вообще
 - откуда они взялись? – загудели мужики.
 - Вечером из телевизора узнаем, – сказал Алмаз.
 - Из него узнаешь!..
 - Вот поэтому мы здесь, – перехватил инициативу депутат. – До полной ясности нам нужно организовать самооборону нашего поселка...
 - А то вот так придут к тебе, Тимур, ночью неизвестные с оружием в руках и скажут...
 - Твоя жена теперь моя жена, – скажут или:..
 - Ты теперь моя жена.
 - Да они и говорить ничего не будут...
 - Короче, – прервал этот разгул демократии Алмаз. – По списочному составу в поселке тридцать пять мужиков. На собрании присутствует двадцать шесть. Это где-то семь по четыре... Так и будем нести дежурство, каждая четверка по три часа.
- Подвыпивший болгарин решительно прошел к Алмазу и протянул ему замусоленный военный билет:
- Каппи-тан зап-паса к месту дис-локации при-был, – доложил он по форме.
 - Аусвайс, – пояснил его друг немец с выдавшим виды трофейным биноклем на груди.
 - А оружие выдавать будут? – поинтересовались пацаны лет шестнадцати-семнадцати, которые целыми днями на «Запоре» без глушителя с жутким ревом гоняли по поселку.
 - От вас и без оружия на вашем драндулете страшно, – утешила их гречанка Ника.
 - Насчет оружия вопрос правильный, – рассудительно сказал староста Алмаз. – В штабе сельсовета сказали, что черенки от лопат можно использовать... Пока. А там будет видно.
 - Это пойдет? – спросил Шевкет, доставая сразу из обоих карманов два пистолета – один стартовый, другой – револьвер, который стрелял какими-то писательскими пулями «Флобера».
 - По весу, как пистолет, – уважительно сказал немец.
 - А по пулям, как говно, – презрительно цыкнул болгарин.
 - Банку от пива пробивает, – сказал Шевкет, пряча пистолеты в

карманы. – А если в пульку добавить немного пороха, то можно...

– Еще электрошокер можно, – вспомнил Алмаз, пытаясь подсветить фонариком-электрошокером список присутствующих, но по ошибке нажал не ту кнопку, долбанув, искрой. – Еще можно с собой собак взять...

– И котов... – добавила гречанка Ника. – У меня Барсик и без шокера может глаз выцарапать.

– Боевой кот, – сказал Шевкет.

– Отряд боевых котов создать... По типу боевых дельфинов, которые раньше охраняли Севастополь, – подхватил идею зубной техник Юра.

– И всех вооружить электрошокерами, – сказал Шевкет. – Я котов имею в виду. Это будет бомба...

– Точнее говоря – шок.

– А против кого, собственно, война? – на всякий случай уточнил немец.

– Пока не ясно, – сказал Алмаз. – Но в штабе сказали, что надо быть готовым.

– Я готов, – сказал немец, старательно пытаясь устоять под тяжестью своего бинокля.

– Оно и видно, – сказала доктор Ника. – Совсем готов.

Сам поселок располагался над Долиной, на Горе. Это место выбрали депортированные греки, которые 23 года назад стали возвращаться из средней Азии. Потом к грекам начали подселяться и другие депортированные – крымские и казанские татары, армяне, болгары и даже немцы. И теперь это была как бы Греция в миниатюре, с греческими названиями улиц (Афинская, Олимпийская, Македонского), а поселение назвали – Понтос, что в переводе означало – «море». Немного странновато, конечно, словно море могло находиться на горе.

Но местный философ Александрос, этот феномен объяснил просто – море уходит и приходит, а греки остаются. Они, как ракушки прирастают к камню, чтобы сделать его крепче и остаться в этом месте навсегда. И в доказательство показал окаменевшую раковину, которую нашел, когда рыл фундамент своего дома.

«Видишь – здесь раньше было море. А там, где море и горы, рано

или поздно появляются греки. Или наоборот. Видимо, закон природы такой».

В моем отряде оказались татарин Фарид, лет 45, с бородой, очень верующий, каждое утро к 5 часам ездит с братом в мечеть на намаз, татарин Шевкет лет тридцати в камуфляжной форме со своими пистолетами, молодая врач, гречанка Ника – вышла на дежурство вместо отца, который в это время находился на заработках в Греции, и зубной техник грек Юра, который был всеми событиями очень возбужден, так как своими глазами видел машину непонятной марки очень похожую на военную.

– Только не надо о политике, – сразу предупредил Фарид. – А то все рассоримся и будем думать друг о друге плохо.

– И телевизор не смотреть, – добавил зубной техник Юра. – Эти рептилоиды на нас гипнозом действуют. Просто вынимают мозг...

– А как же мы узнаем, кто нас захватил? – спросила доктор Ника.

– Телевизор все равно врет, – подтвердил Шевкет.

– И газеты врут, – сказал Фарид.

– Можно еще по телефону позвонить.

– Вопрос только – куда? Уже ночь.

– О, я могу другану позвонить, – загорелся зубной техник Юра.

– Он сейчас вояка, в воинской части под Севастополем стоит.

– Лежит... Ты хотел сказать – лежит, – уточнила доктор Ника. – В это время все нормальные люди уже давно лежат. Даже вояки...

– Ты, ничего не знаешь, – сказал грек Юра. – Может, нормальные и лежат, а все остальные в это время сидят. А точнее, ведут бой... в своем танчике... До четырех часов утра, порой, не смыкая глаз. Там такой адреналин, что и бабу уже не надо. «Мир танков» игра называется. Поэтому, сейчас в армию и народ попер – дома жена, дети, работа, различные дела делать надо. А в армии никто тебя из такого танчика не выгонит. Могут и к награде представить по итогам боёв.

– А как же тогда с самолетами? – спросила Ника.

– А то же, что и с танками, – сказал грек Юра. – «Мир самолетов», – игра называется. Точно так же сидишь, а точнее – лежишь в самолете и ведешь бой. Еще больше адреналина, чем в

танчиках. Сегодня во всех армиях в эти игры играют. С одной стороны тренинг и солдаты при деле. Даже в самоволку перестали убегать. Да и что в этой самоволке делать?

С другой стороны, горючее для танчиков не надо, запчасти не надо, в мазуте ковыряться не надо... Да и сами танчики, получается, не надо. А значит и ангары с ремонтной базой и прочими железяками, – не надо.

Сегодня в принципе и армии не надо. Можно прямо, не выходя из квартиры, готовить бойцов... И они уже практически готовы. Но самое интересное – теперь и война не нужна.

То есть, она нужна, война всегда нужна, как двигатель прогресса, который никто не отменял. Только теперь это будет совсем другая война.

Просто наши хорошо подготовленные пацаны в танчиках и самолетах смело сразятся с такими же хорошо подготовленными пацанами в танчиках и самолетах других стран, и сразу станет ясно, кто в этом мире главный, а кто прикидывается...

– А кто прикидывается? – спросила Ника.

– Это мы еще узнаем, – сказал грек Юра. – Когда война закончится.

– А что она уже началась?

– Идет по всем фронтам. Но это сильно не афишируется. Можно сказать, военная тайна.

– А корабли... с кораблями как? – спросил Шевкет.

– Что касается кораблей... «Мир кораблей», – игра называется. Только уже сидишь не в танчике или в каком-нибудь «Бэкфайере», а на подводной лодке класса «Тайфун», которой противостоит авианосец «Джордж Буш» или «Нимиц», и твоя задача долбануть его торпедой, чтобы самолеты не успели взлететь.

– Теперь мне все ясно, – вздохнула Ника.

– Что ясно?

– Куда все мужики подевались.

– Да, сегодня или ты в танчике, или... тебя как бы нет, раз в дальнейшей игре не участвуешь.

– Но я, же, вот... – возмутилась Ника. – Участвую... Правда, еще не знаю в чем.

– Понимаешь, мать... – грек Юра на какое-то время замолчал, пока

желтый луч его лазерного фонарика задумчиво скользил по лесистым склонам гор и по разноцветным крышам домиков где-то далеко внизу. – Этого никто не ожидал... Короче, жизнь в игре оказалась интереснее самой жизни. Там хоть на «Бэкфайере» можно полетать или из какой-нибудь «Пантеры» пострелять. Мужик, словно вспомнил, что он мужик. А здесь... прозябание одно. Дом – работа – пиво... Не тот уже адреналин.

– Да, я тебе сейчас такой адреналин покажу! – набросилась на него Ника. – Адреналина ему в жизни не хватает!

– Молчи, молчи, задиристая человеческая самка! Вот от таких самок мужики и сбегают в танчики.

– По крайней мере, теперь ясно, где этих мужиков искать. Ну что – давай, звони своему танкисту.

На какое-то время грек Юра отстал поговорить по телефону и уже с топотом догонял команду.

– Докладываю обстановку на фронтах: нас никто не захватывал.

– А как же тогда... – даже выхватил пистолет Шевкет. – Я сам видел... по телевизору показывали. Зеленые человечки захватили «пентагон».

– Может, они уже... и Бахчисарай захватили, – слегка дрогнул в голосе Фарид.

– Вот в этом-то и весь прикол, – торжествуя сказал грек Юра.

– Нас никто не захватывал. То есть, может и захватывал... но только в телевизоре. В телевизоре кого угодно можно захватить. И зеленые человечки – в телевизоре... с ручными пулеметами типа «Печенег», а точнее – из игры «Arma 2», который еще и на вооружение не поступал.

– Ты хочешь сказать...

– Я уже сказал. Все это игра... Только не «Мир танков», не «Мир кораблей» и даже – не самолетов. А самое интересное... – грек Юра от волнения даже попросил у Ники закурить. Словно дымом сигареты готовил их к окончательному прояснению разума. – Что все мы, сами того не подозревая... и, не замечая... стали участниками этой игры... в телевизоре...

– И Алмаз?

– И Алмаз...

– И депутат?

– И депутат... Короче, все, кто смотрит телевизор и не сидит сейчас в танчиках... Так как, это совсем другая игра.

– А Майдан?... со всеми его... хероями...

– И колесами...

– И эти придурки с кастрюлями на головах...

– И Майдан, – выстрелил горящим окурком в звезды грек Юра, словно подводя черту. – И даже Верховная Рада с ее президентами и мордобоем, который называется демократией ... Хотя, если подойти клинически... с точки зрения, так сказать, морга...

– Якши, – осторожно начал Фарид. – Но если все это игра, то должен же быть какой-то победитель.

– Который получает все, – подтвердила Ника.

– Я тоже об этом думал, – сказал грек Юра. – Просто за время своей жизни победитель это «все» не успевает получить. Разве что в другой жизни. Или в третьей... Как всегда, в игре.

– А я хочу это «все» получить сейчас, – упрямо сказала Ника. – Только чтобы не в танчике сидеть. И не в истребителе. А где-нибудь... на Бали... нежась на пляже, с задорным бананом в руке.

– Тогда у тебя это будет игра в игре – тоже штука интересная, но здесь уже простым бананом не ограничишься.

Незаметно, за разговором, поднялись на вершину Понтоса, где на фоне звездного неба темнел контур дома хромого грека Зорбы, который в это время, наверное, уже спал и видел цветные сны. Знающие люди рассказывали, что из всей своей жизни хромой Зорба провел в тюрьме в сумме двадцать четыре года. Поэтому и построил дом подальше от людей и поближе к звездам.

С вершины было рукой подать до Чатырдага, за которым находилось море. А в самом Чатырдаге находилась база пришельцев. Они сами вышли на контакт с Зорбой, когда он пил пиво «Stella», тоскливо глядя на звезды сквозь дырявый потолок крыши, словно из обсерватории.

На самом деле, это пришельцы смотрели на него сквозь дырявый потолок крыши и даже смогли прочитать, как называется пиво, которое пьют на этой странной планете, чтобы выйти на связь с космосом.

Так Зорба стал контактером.

В первый свой контакт пришельцы сделали ему крышу. Причем, не из какого-нибудь отстоя, а из металла очень похожего на оцинковку.

Во второй контакт — вставили окна и двери, чтобы окончательно подготовить его обсерваторию к зиме, которая в горах может прижать не по-детски.

В третий контакт — через весь Понтос проложили дорогу на гору к его дому, половину которой даже покрыли асфальтом (что само по себе уже было чудо, а на вторую половину чуда никто и не рассчитывал).

Хотел еще попросить у пришельцев протянуть к нему в обсерваторию воду, но из продажи исчезло пиво «Stella», а на контакт с другими позывными пришельцы почему-то не шли.

— Тихо! — сказал Шевкет, прислушиваясь к подозрительному лаю собак, который доносился от дома хромого Зорбы.

— Это они, — прошептала Ника.

— Кто они? — спросил грек Юра.

— Откуда я знаю... зеленые человечки...

— Из телевизора... — пояснил Фарид.

— Короче, сделаем так... — принял командование на себя Шевкет. — Вы тут пока за камнем остаетесь в засаде, а я на разведку. Только не курить. Дым за двести метров можно почувствовать.

— Я тоже хочу... в разведку... — сказала Ника. — Может, кому медицинская помощь понадобится.

— Труп у уже ничего не понадобится, — утешил ее Шевкет, с пистолетом растворяясь в темноте.

— Пока интересно, — сказал грек Юра. — Еще интереснее, чем в танчике сидеть.

— А тем более — в телевизоре, — сказал Фарид. — Хотя, тоже интересная игра. Я только одного не могу понять, как от того, что мы сейчас делаем за камнем, где-то далеко в Верховной Раде может начаться мордобой... или не начаться...

— Этого и я не понимаю, — признался грек Юра. — Просто не все обязательно понимать. Ты же не спрашиваешь, откуда в твоём фонарике берется ток, чтобы ты мог видеть Алмаза?

— Из батареек...

– Да, где-то далеко веселые китайцы крутят педали, чтобы зарядить батарейки, чтобы ты мог видеть Алмаза. Я тебе скажу больше – никто не знает, что такое ток, но все думают, что это по проводам бегут электроны, чтобы мы могли видеть, как в телевизоре зеленые человечки захватили «Пентагон». Или – как на Майдане люди с кастрюлями на головах делают революцию, чтобы зеленые человечки захватили «Пентагон»... В сущности, человечеству по барабану – бегут по проводам электроны или не бегут, главное – чтобы в домах был свет, а в холодильнике охлаждалось пиво, которое, как сказал Бисмарк, делает людей ленивыми и тупыми... чтобы зеленые человечки захватили «Пентагон»...

Сверху послышался шум, и за камень, тяжело дыша, десантировал Шевкет.

– На ловца и зверь бежит, – сказал он, сваливая со спины мешок.

– Это что?.. – спросила Ника.

– У нас в разведке это называется – «язык», – сказал Шевкет.

– Тиль алмакъ, – подтвердил Фарид

– Zuerst, – глухо послышалось из мешка, который зашевелился и в свете фонарика Фарида оказался немцем Гансом с подбитым глазом. И сейчас этот глаз пытался понять, куда он попал, и будут ли его еще бить.

– Zuerst, – на всякий случай повторил Ганс, закрываясь рукой от света и судорожно пытаясь сесть.

– Гитлер капут! – на чистом немецком ответил ему грек Юра.

– Совсем капут, – сказала Ника.

– Ja-ja... kaput, – задергал подбитым глазом Ганс.

– Да, откуда я знал... – расстроился Шевкет. – Смотрю, какая-то жопа крадется в темноте... И не просто крадется... а качает маятник, чтобы не попасть...

– Но ты попал? – сказал грек Юра.

– Ja-ja... – радостно закивал Ганс. – От удара по голове он теперь говорил только по-немецки, хотя, как все депортированные из средней Азии, знал и русский, и узбекский, и татарский.

– Тогда мне его надо в позе Ромберга проверить, – сказала

Ника. – Сотрясение мозга исключить.

– Ја–ја... – продолжал радостно кивать Ганс.

– Заодно проверить на предмет этого самого мозга, – бухтел грек Юра, помогая Гансу встать и, показывая, как стоять в позе Ромберга с вытянутыми перед собой руками.

Но у Ганса то ноги подгибались, то руки не держались, а с закрытыми глазами просто завинчивало в штопор.

– Все ясно, – сказала доктор Ника. – У него травма мозга... Придется нести...

– Что нести – мозг? – не понял Фарид.

– Можно и так, – сказал грек Юра. – Ты, Фарид, будешь нести мозг, а остальной «язык» Шевкет возьмет на себя.

– Ја–ја... – продолжал радостно кивать Ганс.

– Главное – доставить тело, – сказал грек Юра. – А там уже одно из двух – или в морг... или... на трепанацию черепа...

– Что еще за трепа... нация? – насторожился Шевкет.

– Это когда в голове делают дырку, чтобы узнать – есть ли там внутри мозг, – охотно пояснил грек Юра.

Он еще хотел сказать, что в свете новых научных данных совсем не важно есть ли там внутри мозг, так как, мы биороботы, которыми управляет Великий Чмо... А уж кто этим Великим Чмо управляет...

Но в темноте что-то произошло, и, пока Юра искал и включал свой лазерный фонарик, Ганс уже бежал с горы вниз, нелепо размахивая руками. А точнее, словно отмахиваясь от желтого кружочка лазерного прицела грека Юры, пока не скрылся в придорожной «зеленке».

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно сказал грек Юра. – Знаешь, что в игре главное? Это непредсказуемость... когда никто не знает, что произойдет в следующий момент.

– Да, я этого немца... – выхватил какой-то из своих пистолетов Шевкет.

– Спокойно, мои аскеры, – сказал грек Юра. – Все равно из игры ему не уйти. Будем сражаться до последнего...

Он хотел сказать – робота, но тактически исправил на «солдата».

– Στρατιώτη (стратиотиса), – уточнила Ника. – Да и смену уже

пора сдавать.

Внизу у магазина, на Майдане, стратиотис Ганс рассказывал, как его захватили зеленые человечки, и как ему удалось бежать. Но все мужики смеялись и просили дать покурить, чтобы тоже увидеть зеленых человечков.

Дома я первым делом включил зомбоящик. И, хотя была глубокая ночь, на Майдане, как всегда, жгли крыши, а Орест Лютый исполнял задорную «писню» «Вагоны повни москалив».

По каналу «Омега» рассказывали, что пришельцы с планеты Нибиру захватили власть. И сейчас этот похожий на Глобу уфолог со знанием дела (а точнее – «тела») научит нас, как определять пришельцев.

Он даже для примера показал нескольких пришельцев-аннунаков. Это были известные политики, олигархи и звезды кино, которых Космос послал, чтобы найти братьев по разуму, но, судя по всему, они пока смогли найти лишь одного хромого грека Зорбу.

Я, конечно, побежал к зеркалу – искать у себя в глазу рептильную перепонку, чтобы знать, как действовать дальше. Жаль, что жена спала, и ее проверить было нельзя.

А еще надо проверить нашего старосту Алмаза и депутата, и «боксера», и «суслика», и «удава»... Да мало ли кого... Весь мир надо проверить (Майдан – это лишь отвлекающий маневр) на эту чертову «перепонку»! Весь мир... который все быстрее вращался... со всеми своими ушами и глазами.

В таком темпе я скоро перестану различать лица.

Но те, которые сейчас сидят в танчиках или в своих «Бэкфайерах», не говоря уже о подлодках класса «Тайфун», – тоже не различают лиц, по которым ведут огонь. Как много людей в этом мире не различает лиц... Что, в принципе, в игре и не требуется.

Хотел еще у аннунаков спросить... ну, типа, если ли жизнь на Марсе... И что имел в виду консул Лепид, когда сказал: «Ныне, квириты, надо быть рабом...» А главное – в каком году с Майдана снесут эту чертову новогоднюю елку?

– К О Н Е С Р Р О Г Р А М М У, – ответил за аннунаков мой

телевизор «Соня». — Y M M A R G O R P C E N O K.

Об авторе: АЛЕКСАНДР ГРАНОВСКИЙ

Родился в городе Бобринец Кировоградской области, живёт в Крыму. Окончил Литературный институт им. Горького, занимается врачебной практикой.

Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Юность», «Роман-газета» и др. Участник и составитель многочисленных коллективных сборников. Автор шести книг прозы: «Анжелюс», «Линза», «Дочь Дракона» и др.

Рассказы переведены на английский, французский, немецкий языки. Neкаýalar